

Таким образом, телекоммуникационный проект и мультимедийные программы в целом создают условия для аутентичной образовательной среды с ярким и наглядным представлением информации. Такая обучающая среда формирует потребность в общении на иностранном языке и, как следствие, мотивацию к учению, а также способствует соизучению языка и иноязычной культуры в контексте подготовки студентов к межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. *Зубов, А. В.* Информационные технологии в лингвистике / А. В. Зубов. – М.: АРКТИ, 2004. – 178с.
2. *Карамышева, Т. В.* Изучение иностранных языков с помощью компьютера в вопросах и ответах / Т. В. Карамышева. – СПб., 2001. – 192 с.
3. *Потапова, Р. К.* Новые информационные технологии и лингвистика: учеб. пособие / Р. К. Потапова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Комкнига, 2005. – 368с.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

И. И. Большаков

The article deals with the problem of formation and systematization of secondary semantic meanings of German affixless verbal nouns. Their semantics depends on connotations of the primary meaning of the nouns and of the verb. Each lexical-semantic variant presents a case of profiling of a concrete perceptual property against the background of the same semantic base.

Отглагольные имена разных типов (девербативы) привлекают к себе внимание исследователей, поскольку в своей функциональной реализации они актуализируют скрытые свойства, обеспечивающие им существенную роль в речевой коммуникации, в формировании специфики различных дискурсов. Усложненность семантической структуры имен-девербативов, совмещающей категориальные признаки двух основных частей речи – глагола и существительного, служат главным мотиватором их функционального «поведения» и определяемой им повышенной коммуникативной значимости.

Семантика отглагольных имен рассматривается в статье на базе конкретного типа образованных от глаголов существительных, маркированных нулевым словообразовательным формантом и обозначаемых поэтому как безаффиксные девербативы. В лингвистической литературе широко распространено понима-

ние способа словообразования, по которому возникают данные имена, как конверсии, или субстантивации [1, с. 24]. Применительно к английскому языку конвертируемые единицы являются не формами одного и того же слова, как предполагали ранее, а омонимичными формами разных слов (в данном случае существительного и глагола), причем в качестве единственного опорного, а не дополнительного средства словообразования выступает при этом парадигма. Признание словообразовательной роли парадигмы было поддержано целым рядом известных лингвистов, исследовавших способы безаффиксного словообразования в немецком языке [2, с. 215].

В образовании новых слов по конверсии включаются не только основа в ее стандартном облике, но и варианты основы производящего слова. В случае с отглагольными именами это чаще всего бывают такие разновидности основы, которые порождаются чередованием корневого гласного по аблауту (*binden – band – gebunden: Band, Bund*). Если изменение звуков в корне при образовании безаффиксных deverбативов выходит за пределы известных чередований по аблауту (как, например, немецк. *Spruch* по отношению к *sprechen – sprach – gesprochen*), то в таком случае можно говорить об участии в словообразовательном процессе любого исторически сложившегося фонеморфологического варианта основы исходного глагола. Структурное тождество соотносимых слов от этого не нарушается. Семантическое же тождество способно исчезать и при неизменной основе, как, например, *fallen* (падать) – *der Fall* (падение), но не *der Fall* (грамматический падеж).

В теорию обсуждаемого способа словообразования введено понятие «нулевого словообразовательного аффикса» или нулевой морфемы. Сущность деривации с помощью нулевой морфемы – это скрытая морфологическая «поддержка», образование совершенно отличного слова без присоединения деривационного форманта. А открытая сторона дела – это сдвиг в плане содержания, поскольку категориальные значения соотносящихся слов различны. «Нулевой словообразовательный аффикс» как некое подразумеваемое означающее соотносится с определенным означаемым. У безаффиксных deverбативов таким «означаемым без означающего» является значение процессуальности в категориальном предметном значении имени.

Появление безаффиксных девербативов как типа слов имеет в своей основе транспозицию, которая реализует семантический сдвиг, заключающийся в замене категориального значения действия у производящей основы категориальным значением предметности у производного имени. Сема действия, однако, не исчезает, меняется лишь ее положение в иерархии компонентов смысловой структуры нового образования: из ведущей она становится зависимой. Но это не мешает ей быть той основой, на которой выстраивается семантика всего типа производных слов. В ядерной части семантической структуры отглагольных имен сосуществуют семы частеречного, т. е. категориального характера – «предметность» как интегрирующая все имена в общий класс существительных и «процессуальность» как дифференцирующая именно этот тип имен среди многих других типов существительных. Можно рассматривать роль двух сем и несколько иначе: одна связывает дериват с исходным глаголом, повторяя категориально-лексическое значение последнего, другая выражает приобретенное вследствие транспозиции общее значение, свойственное существительному, и все связанные с этим формально-грамматические характеристики.

В полном соответствии с дефиницией Е. С. Кубряковой, под транспозицией следует понимать «перевод слов из одного класса знаков в другой» как некую операцию, «которая позволяет добиться не только изменения в синтаксисе знака, но и сохранения за знаком неких семантических свойств» [3, с. 65]. Для соотносящихся по транспозиции слов – представителей разных частей речи сохраняется общий денотат, хотя в сознании это фиксируется неодинаково: в одном случае с ним ассоциируется зависимый признак, а в другом случае – абсолютно или относительно свойственная данному классу слов черта.

Подобный подход предполагает необходимость освещения вопроса о «категориальном значении» и «лексическом значении», имеющих непосредственное отношение к проблеме «опредмечивания» семантики отглагольных имен. Категориальное значение понимается нами как максимально обобщенное, классифицирующее значение, характеризующееся глобальным охватом всех слов определенного лексико-грамматического типа. Лексическое же значение есть по своей сути типовое значение группировки слов или индивидуальное значение отдельного слова. Всем безаффиксным девербативам, как представителям класса существи-

тельных, свойственно категориальное значение «предметности», но оно не во всех случаях совпадает с их лексическим значением. Лексическое значением как переменный компонент действует в диапазоне модификаций «процессуальность» – «предметность». Если общая категориальная сема «предметность» составляет общую рамку или фон, то в пределах этой рамки, т. е. на этом фоне действует подвижный элемент смысловой структуры существительного – лексические семы, и по результату их действия можно решать вопрос о принадлежности отглагольного существительного к подклассу абстрактных или конкретных имен.

Семантический сдвиг, который выглядит как «опредмечивание» глагольного значения в производных именах, бывает различным по глубине, чем порождается спектр значений внутри класса: от значения действия через то, что связано с действием (результат, объект, производитель, инструмент, место протекания действия), до значения конкретной предметности как следствия утраты связи с действием. Таким спектром обуславливается существование целого ряда лексико-семантических вариантов (ЛСВ) у девербативов. Их семантическая структура как раз и представляет собой единство нескольких ЛСВ, т. е. взаимодействующих значений, явно или скрыто фиксируемых специфической конфигурацией синтаксических связей (парадигмой реализации). Необходимо подчеркнуть, что главенствующую роль всегда играет одно – основное значение: все остальные находятся в прямом или косвенном подчинении к нему. Главным является первичное значение девербативов, т. е. тот их ЛСВ, который реализует семантическую функцию, идущую от глагола, – значение действия (процесса, состояния). Появившиеся позже значения должны трактоваться как вторичные, т. е. как результат процесса лексического развития, протекавшего в направлении ослабления в той или иной мере семантической связи девербатива с производящей основой – глаголом, побледнения или даже потери глагольных признаков. Первичное значение, явившись реализацией словом-дериватом исходной семантической функции, наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически. Вторичные же ЛСВ менее закреплены парадигматически и «нуждаются» в большей синтагматической обусловленности, т. е. некоем опознавательном контексте.

Все сказанное ставит на повестку дня при рассмотрении семантического аспекта анализируемых имен проблему полисемии.

Чтобы вести речь именно о полисемии, необходимо принять за отправной пункт следующее: семантическая целостность многозначных безаффиксных девербативов обеспечивается за счет отяжения их вторичными значениями того, что так или иначе связано или было связано с действием и процессом, т. е. с первичным значением. Чтобы проиллюстрировать, как в одном девербативе соотносятся его первичное и вторичные значения, достаточно рассмотреть конкретный пример: *der Bau* – девербатив, у которого 1) основное (первичное) значение соотносено с процессом, действием и эксплицируется глаголом-коррелятом *bauen* – строить (*der Bau von Wohnungen, Schulen – man baut Wohnungen, Schulen*); 2) более поздние (вторичные) лексико-семантические варианты а) значение субстанции, от которой исходит действие (*beim Rostocker Straßenbau beschäftigt sein*); б) значение места, где происходит действие (*sich auf dem Bau befinden*); в) значение результата действия (*ein historischer Bau*). Как видно, непосредственная смысловая связь вторичных значений с первичным во всех случаях прослеживается, она собственно и обеспечивает семантическую целостность девербатива как многозначного слова, позволяя говорить о его полисемии. Если же имя полностью отрывается от значения действия, т.е. в ходе языкового развития переосмысливается на базе категории предметности, то его семантического единства больше не существует, и в языке появляются омонимы. Так, немецкоязычные словари толкуют отглагольное имя *der Griff* со значением 1) «отдельный акт действия» и 2) «часть предмета» как разные слова-омонимы, объясняя это разными грамматическими и лексическими характеристиками данных существительных. В одном случае имя *der Griff* определяется как *Teil eines Gegenstandes* (*der Griff der Aktentasche, des Messers, der Tür*), в другом случае – через имя действия *das Greifen*.

Разграничение полисемии и омонимии безаффиксных девербативов производится по традиционному для лингвистики принципу, который четко сформулировал Б.Трнка: «если отдельные значения слов связаны друг с другом переходными значениями, то в языковом сознании их совокупность воспринимается как одно слово» [4, с. 272], т. е. имеет место полисемия. Если же такой связи между значениями не обнаруживается, то имеются все основания считать равнозначные слова омонимами. Например, слово *der Betrieb* означает «продуктивная деятельность» в высказывании:

ei werden die einzelnen Raumpunkte im *Tipp-Betrieb* in der Reihenfolge angefahren (Feingerätetechnik, S. 48).

ный безаффиксный девербатив может также означать и где совершается работа (деятельность):

st der ehrsame Erbe eines *Betriebes*, in dem der Rohstoff Holz zitet wird (Strittmatter, S. 85).

значения, являющиеся, бесспорно, лексико-грамматическими вариантами одного слова, тесно взаимосвязаны в семантическом плане, а само слово отмечено поэтому полисемией. Вот, слова *der Schein* со значением «сияние» (т. е. процесс) в словесном употреблении:

ich wollte ich ihm gern erzählen von den funkelnden Knöpfen im *Schein* und von meinem Traum (Neutsch, S. 24).

Слово *Schein* со значением «документ» (т. е. предмет) в высказывании:

macht mir die Blutprobe und ich hab' Alkohol und adjö mein *Schein* (Seghers, S. 18)

эти значения отражают полисемию. Они никак не связаны друг с другом, а представляют собой слова-омонимы.

Интерес представляет собой вопрос о путях формирования вторичных значений отлагольных существительных. Представляется, что решением вопроса является отбор вторичных лексико-семантических вариантов к результату процессов метонимического и метафорического мышления. Исходную базу данных происходящих языковых процессов образуют прямые, стилистически нейтральные значения, а формирование вторичных значений совершается по определенным формулам, отличающимся определенной регулярностью [5, с. 76]. Сам процесс, будь он метафоризацией или метонимизацией, понимается как диахронический. В плане же синхронности необходимым представляется выявление семантических уровней «опредмечивания», поскольку все такие лексико-грамматические трансформации играют исключительно важную роль в организации синхронной системы лексики. Изучение отлагольных существительных под таким углом зрения позволяет глубоко проникнуть в суть «живых» семантических отношений и значит объективнее описать и классифицировать системные процессы высказанного ступени «опредмечивания» в семантической структуре безаффиксных девербативов

правомерно выделять с опорой на критерии абстрактность – конкретность. Установление градации значений по шкале движения от абстрактного к конкретному отвечает, думается, лучше, чем какой-либо иной критерий, типу и характеру всего класса слов. Именно сдвиги в характере и степени абстрактности (изначально заданной), вызываемые функционированием в языке, ведут постепенно к тому, что значение девербатива становится более конкретным, т.е. что глагольные признаки из него в большей или меньшей степени исчезают. Об уменьшении степени абстрактности значения свидетельствуют, в частности, употребление имен с артиклем и способность к образованию форм множественного числа. Сдвиги в характере и степени абстрактности семантики отглагольных существительных вызываются функционированием в языке, в ходе которого лексическое значение девербатива становится более конкретным, а исходные глагольные признаки из него постепенно исчезают. Таким образом, происходит процесс «конкретизации», в ходе которого лексическое значение абстрактного существительного несколько сужается, специализируется вплоть до обозначения им конкретных предметов.

Итак, признавая в качестве стержня семантического расчленения имен противопоставленность их первичных, т.е. абстрактных, и вторичных, т.е. конкретных, значений, правомерно истолковывать первые как значения «действие» («процесс»), если имена соотносятся с глаголами действия (Aufbau, Kauf, Gebrauch), и «состояние», если имена соотносятся с глаголами состояния (Naß, Kummer, Ärger). В лексикографических источниках именно эти значения чаще всего подаются под номером первым. Номинативной особенностью существительного в абстрактном (основном) значении является наличие у него общего с исходным глаголом денотата.

Значительное число существительных развивают свои первичные, мотивированные глаголами значения в сторону предметных, т.е. менее абстрактных и более конкретных. Процесс совершается так, что в перегруппировке значений первично абстрактного слова смысловой центр перемещается на одно из периферийных, предметных значений. В зависимости от характера воплощаемой «предметности» и ее отношения к значению «действие – процесс», можно выделить три группировки вторичных значений. Первая охватывает имена с абстрактно-предметными значениями, третья – имена с конкретно-предметными значениями.

ями, а девербативы второй группы являются как бы переходным звеном между абстрактно-предметными и конкретно-предметными, называя субстанцию, от которой исходит действие.

Первую группировку вторичных значений составляют девербативы, обозначающие «объект», «результат», «средство» действия, не осмысливаемые как собственно предметные сущности. Их маркирует сема «абстрактная предметность», а в целом их можно рассматривать как вторую ступень «опредмечивания» исходного глагольного действия. Отношение данных ЛСВ с их исходным значением строится по нескольким моделям. Так, девербатив *der Beweis* в значении *das ist noch ein Beweis dafür, dass er recht hat* называет абстрактный «предмет» действия. Имя *der Einfall* в значении *der Einfall ist das, was jemandem eingefallen ist* обозначает абстрактный «результат» действия. Девербатив *der Verstand* обозначает «средство» действия глагола *verstehen*, т. е. *Verstand ist das, womit man etwas versteht*.

Значения безаффиксных девербативов, которые воплощают субстанцию, от которой исходит действие, расположены на стыке абстрактно-предметных и конкретно-предметных ЛСВ. Образую вторую группировку вторичных значений рассматриваемых имен, они сохраняют семантическую связь с объектом глагольного действия (*Verein der Polizisten*) и выступают в роли семантического субъекта по отношению к действию. Можно сравнить следующие примеры:

Die meisten essen nicht um satt zu werden, sie essen um zu essen. Das Essen ist Ersatz für alles, was sie hier entbehren (Wolf, S. 36).

Mit zwölf Jahren ist jeder Mensch ein Genie. Er verliert seine Originalität erst mit dem Eintreten der Geschlechtsreife ... Ein ziemlich einförmiger Ersatz für den Verlust der Freiheit des Geistes! (Remarque, S. 64).

„Doris, für heute müssen Sie auf den Putzer verzichten. Wir rauchen Ersatz für einen Ausfall an der Schüttstelle“ (Jobst, S. 18).

Во всех примерах существительное *Ersatz* обозначает разные понятия: в первом за ним стоит действие (*das Essen*), во втором — желая ситуация, в третьем — конкретный предмет (человек), но отношение девербатива *Ersatz* к глаголу-корреляту *ersetzen* остается тем же: *Ersatz ist das, was ersetzt*. Поэтому во всех случаях выступает типовой ЛСВ существительного *Ersatz*, обозначающий субституцию, от которой исходит действие соотносящегося с ним глагола. О сохранении семантической связи девербатива с субъек-

ектом действия в первом примере свидетельствует местоимение *alles*, во втором – предложная группа *für den Verlust der Freiheit des Geistes*, в третьем – *für den Ausfall* (указание на выбывшего человека). По такому диапазону семантического сдвига можно заключить, что имена этого типа характеризуются дальнейшим отходом своих признаков от «процессуальности», образуя третью степень «опредмечивания».

Третью группировку вторичных значений безаффиксных девербативов, формирующую последнюю, четвертую степень «опредмечивания» исходного значения действия, составляют лексико-семантические варианты, отношения которых к их основным значениям определяется пятью моделями: они могут обозначать конкретный предмет – *Abzug*, *Anwuchs*, *Unterbau*; результат – *Abbruch*, *Abguss*, *Bug*; средство – *Einband*, *Aufzug*, *Floss*; место действия – *Einfluss*, *Unterschluß*, *Stich*; носителя действия – *Zugang*, *Vorfahr*, *Besuch*. Необходимо также отметить, что данная группировка объединяет как имена, имеющие основной ЛСВ, например:

Alles staut sich an den Ausgängen und der Garderobe (Remarque, S. 73),

так и девербативы, характерной особенностью которых является отсутствие основного (первичного) ЛСВ:

„*Ich vermisse die Grabenbezeichnung in Ihrem Abschnitt!*“ sagte der Oberst (Remarque, S. 110).

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что в качестве главного критерия оценки характера семантики безаффиксных девербативов, как, впрочем, и всей категории субстантивной отглагольной лексики, следует признать степень их корреляции с мотивирующими глаголами. Первичным и основным значением имен является подлинно глагольная семантика – «действие» («процесс»), модифицированная затем взаимодействием со значением «предметность». На основе глубины этого взаимодействия в семантической структуре безаффиксных девербативов и различаются их первичные и вторичные лексико-семантические варианты, а последние в свою очередь дифференцируются по удельному весу в них «предметности».

Список литературы

1. Смирницкий, А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке / А. И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. – 1953. – № 5 – С. 21–31.

2. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М., 1962. – 296 с.
3. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М., 1978. – 114 с.
4. Трика, Б. Замечания об омонимии / Б. Трика // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. – М., 1967. – С. 272–276.
5. Шмелев, Л. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Л. Н. Шмелев. – М., 1973. – 280 с.

Список источников

1. „Feingerätetechnik“: специализированный журнал. – 2002. – Н. 5.
2. Strittmatter, E. Ole Bienkopp / E. Strittmatter. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verl., 1984. – 428 s.
3. Neutsch, E. Die anderen und ich / E. Neutsch. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verl., 1990. – 245 s.
4. Seghers, A. Das Siebte Kreuz / A. Seghers. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1989. – 356 s.
5. Wolf, C. Der geteilte Himmel / C. Wolf. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verl., 1991. – 270 s.
6. Remargue, E. M. Der schwarze Obelisk / E. M. Remargue. – Berlin: Aufbau-Verl., 1987. – 464 s.
7. Jobst, H. Der Vagabund / H. Jobst. – Berlin: Verlag der Nation, 1984. – 221 s.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ФОРМЫ ПРЕДИКАТА И ЕГО ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Е. М. Коцаренко

The paper presents the analysis of the interaction of sentence semantics with the form of sentence predicate and its lexical representation on the basis of one synonymous set of words. The study proves that the choice of verb form and the specific lexical unit depends on the sentence meaning.

Любой язык, его семантика и синтаксис, обслуживаются национально-специфическими средствами морфологии – морфологическими классами. Значение языковых единиц представляет собой в каждом языке относительно замкнутую систему с ограниченным числом элементов, а их функции представляют собой систему незамкнутую и значительно более открытую, с ярко выраженной неопределенностью границ на периферии. Поскольку слова функционируют в связанном тексте, то вопрос диалектической связи слова с предложением выдвигается на передний план.